

А.Л. Волынский

Царство Карамазовых

Н. С. Лесков

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.Л. Волынский
А11 Царство Карамазовых: Н. С. Лесков / А.Л. Волынский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 496 с.

ISBN 978-5-518-06303-7

Заметки: Инфернальная женщина (Грушенька). Женщина великого гнева (Катерина Ивановна). Карамазов-отец. Дмитрий Карамазов. "Россеюшка". Волокита. Демониакальный философ. Великий Инквизитор. Человекобог и богочеловек. Алеша. Детвора. Многоличная икона. Экстазы Зосимы. Лесков. Спиноза. Карлейль и контизм. Они - христиане. "Отелло". "Царь Федор Иванович".

ISBN 978-5-518-06303-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЦАРСТВО КАРАМАЗОВЫХЪ.

Я хочу сдѣлать опытъ объясненій къ „Братьямъ Карамазовымъ“, подробно обозрѣть это обширное царство — столь странное, диковинное, не похожее на общелитературное пушкинское царство. Какая тутъ особенная земля и какое особенное небо! Блуждаешь среди несмѣтной толпы, среди чисто русскихъ людей — и какихъ разнообразныхъ: изступленные сладострастники и святые, знающіе, на какихъ ужасающихъ контрастахъ держится жизнь, мудрецы съ демоніакальнымъ полетомъ мысли, люди „великаго гнѣва“ и внутренняго „надрыва“, кликуши и изувѣры, и между ними дѣти, беззаботныя, какъ птицы, а на границѣ этого карамазовскаго царства — стѣны бѣлыхъ монастырей. Это царство нужно изучить именно вблизи, потому что только при такомъ близкомъ, пристальномъ изученіи начинаешь ощущать его землю и постигать его небо. Такая ужъ особенная статья у этого царства, что его не обнимешь никакимъ общимъ понятіемъ, ни въ какой схемѣ, ибо все здѣсь только образовывается, складывается, намѣчается. Въ броженіи психологическихъ и идейныхъ противорѣчій собираются какіе-то новые элементы, кристаллизуются какіе-то новые типы и новыя красоты.

ИНФЕРНАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

„Инфернальная“ женщина, это — Грушенька. Она еще не появилась передъ читателемъ, но видно, что именно вокругъ нея собираются бури и грозы, которыя разрѣшатся катастрофою. Старикъ Карамазовъ, Ѳедоръ Павловичъ, называетъ ее обольстительницей, егозой, обманщицей и безстыдницей, и тутъ же восклицаетъ: „Отцы святые, она добродѣтельна!“ Она — характера независимаго, она для всѣхъ — крѣпость неприступная. „Эта тварь, эта сквернаго поведенія женщина, — кричитъ онъ въ кельѣ старца Зосимы, — можетъ быть, святѣе васъ самихъ, господа спасающіеся іеромонахи. Она возлюбила много...“ Ракитинъ называетъ ее „публичною дѣвкой“, признавая при этомъ, что она необычайная женщина. Иванъ Карамазовъ, великій въ своемъ родѣ демоніакальный философъ, называетъ ее звѣремъ. Дмитрій Карамазовъ, главный герой романа, — это великое сердце, которому доступны высшіе экстазы и высшія озаренія, — говоритъ о ней, въ полнотѣ страсти и любви, что она — „шельма“, что она — „знатокъ въ человѣкахъ“, что она — кошка. Она не поражаетъ своимъ внѣшнимъ видомъ, но есть въ ней какая-то страшная отравка, отъ которой люди становятся, какъ чумные. „Я говорю тебѣ: изгибъ. У Грушеньки, шельмы, есть такой одинъ изгибъ тѣла, онъ и на ножкѣ у ней отразился, даже въ пальчикѣ-мизинчикѣ на лѣвой ножкѣ отозвался“. Это — инфернальный изгибъ всего ея существа.

Это „самое фантастическое изъ фантастическихъ созданій“, наконецъ, появляется передъ читателемъ въ тихомъ обаяніи своей зловѣщей красоты. Въ небольшой сценѣ свиданія Грушеньки съ Катей, освѣщенной поистинѣ inferнальнымъ огнемъ, она выступаетъ во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ. Сначала слышится изъ-за занавѣски ея голосъ — нѣжный, нѣсколько слащавый. Потомъ она выходитъ, „смѣясь и радуясь“ Это — „довольно высокаго роста женщина, полная, съ мягкими, какъ бы неслышными даже движеніями тѣла, какъ бы тоже изнѣженными, до какой-то особенной, слащавой выдѣлки, какъ и голосъ ея“ Она подходитъ къ Катеринѣ Ивановнѣ плавной, неслышной походкой. „Мягко опустилась она въ кресло, мягко прошумѣвъ своимъ пышнымъ чернымъ шелковымъ платьемъ, и изнѣженно кутая свою, бѣлую, какъ кипень, полную шею и широкія плечи въ дорожную черную шерстяную шаль“ Еще не представляешь себѣ лица Грушеньки, но порода этой женщины — хищная, кошачья, съ горячей кровью плотояднаго звѣря — уже чувствуется въ полной своей силѣ. Эта неслышная вкрадывающаяся походка, въ противоположность иной, мощной, бодрой походкѣ, говорить о какой-то особенной внутренней самоувѣренности, о притаившейся жестокости, которая ласково заигрываетъ со своей жертвой, чтобы потомъ внезапно ошеломить ее. При своей молодости — Грушенькѣ всего двадцать два года — она уже находится во всемъ своемъ цвѣтѣ. У нея мощное тѣло, высокая грудь, широкія плечи, полная шея, — бѣлая, какъ кипящая пѣна. Такова эта чисто-русская красота, „многими до страсти любимая“. Лицо у нея тоже бѣлое, съ „высокимъ, блѣдно-розовымъ оттѣнкомъ румянца“. Очертанія его были какъ бы слишкомъ широки, а нижняя челюсть нѣсколько выдавалась впередъ. „Верхняя губа была тонка, а нижняя — была вдвое полнѣе и какъ бы припухла“ У Грушеньки — чудесные, густые, темно-русые волосы, темныя соболиныя брови и „преlestные сѣро-голубые глаза съ длинными рѣсницами“. Ручка у нея маленькая, пухленькая. Она смѣется маленькимъ, нервнымъ, звонкимъ смѣшкомъ. Въ ея улыбкѣ мелькаетъ по временамъ „какая-то жестокая черточка“. Вотъ и вся Грушенька, взятая извнѣ — какъ будто бы только извнѣ, а между тѣмъ очерченная уже вся цѣликомъ, какъ только

это могъ сдѣлать художникъ съ талантомъ Достоевскаго. Даны въ линіяхъ и краскахъ матеріальныя формы, въ которыхъ острые черты соединяются съ мягкими, нѣсколько расплывчатыми. Свѣтлыя, нѣжныя краски лица и шеи выступаютъ въ зловѣще-черной роскошной рамѣ шуршащаго дорогого платья. И все это, всѣ эти данныя — не болѣе, какъ живая человѣческая психологія въ намекахъ, во внѣшнихъ символахъ. Чего стоятъ одніи эти губы — тонкая, злая верхняя губа и плотоядная, капризная нижняя — выступающая впередъ и припухлая. Матеріалъ, необходимый для живописнаго изображенія Грушеньки — весь налицо, и притомъ — съ волнующею яркостью, какъ это бываетъ только у Достоевскаго. Въ этомъ истинномъ волшебствѣ идеалистическаго искусства матерія начинаетъ говорить живымъ языкомъ души, становится какою-то особенною рѣчью понятныхъ для человѣка идей, нарушаетъ свое молчаніе, вырывается изъ своей нѣмоты. Линіи и краски становятся какъ бы словами. Вотъ почему внѣшній обликъ Грушеньки какъ-то гипнотически приковываетъ къ себѣ вниманіе: чрезъ этотъ обликъ говоритъ сфинксъ, двойственность человѣческой природы, единой только въ своихъ метафизическихъ глубинахъ. Разгадывая Грушеньку, въ ея тихой хищной красотѣ, мы открываемъ ея внутреннее демонское неистовство, ея сатанинскую злобу, которая даетъ ей крылья и для самообороны, и для страстныхъ фантастическихъ капризовъ. Мы проникаемъ въ таинство бореній добра и зла, Бога и красоты, и начинаемъ созерцать загадочныя соприкосновенія земли и неба.

Обращаясь въ отдѣльнымъ подробностямъ этой великолѣпной живописной характеристики, невольно останавливаешься на нѣжномъ, слащавомъ голосѣ и на изнѣженныхъ „до какой-то особенной слащавой выдѣлки“ движеніяхъ ея роскошнаго тѣла. Здѣсь чувствуется что-то русское — въ своихъ восточныхъ элементахъ, что-то пассивное, томное, лѣнивое, при хищной увѣренности въ своей власти, что-то почти безпечное относительно самого себя. Ея манерность, ея пѣвучій голосъ съ растяжкой слоговъ и звуковъ, вся эта слащавость, вся эта утрировка собственныхъ природныхъ чертъ дѣлаетъ Грушеньку типичнымъ явленіемъ русской красоты — красоты рыхлой, неустойчивой, „однимъ словомъ — красоты на мгновеніе, красоты

летучей“. Достоевскій сознательно рисуетъ эту дѣвушку именно чертами недолговѣчной, летучей красоты, въ бурный періодъ ея жизни, который у русской женщины, лишенной дѣятельной и упорной силы языческихъ стихій, быстро проходитъ, приводя къ совсѣмъ инымъ настроеніямъ. „Знаючи русской женской красоты,—пишетъ Достоевскій,—могли бы безошибочно предсказать, глядя на Грушеньку, что эта свѣжая, еще юношеская красота къ тридцати годамъ потеряетъ гармонію, расплывется, самое лицо обрюзгнетъ, около глазъ и на лбу чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвѣтъ лица огрубѣетъ, побагровѣетъ“. Русская inferнальная красота является кратковременнымъ разгуломъ личнаго, богофобскаго начала передъ безмѣрными восторгамъ иныхъ, новыхъ, богофильскихъ очарованій.

Въ сценѣ свиданія Грушеньки съ Катериной Ивановной эти два характера—одинъ демонски-красивый и оболстительный, вѣрный себѣ въ каждомъ своемъ inferнальномъ изгибѣ, другой—самоувѣренный и гордый, но лишь по-человѣчески самоувѣренный и гордый, схватываются въ борьбѣ, сначала скрытой, а потомъ откровенной, и показываютъ себя каждый въ присущей ему мощи. Надменная Катя хочетъ какъ бы купить, обворожить своею ласкою эту дикую кошку въ человѣческомъ образѣ. Она щедро и поспѣшно сыплетъ на Грушеньку преувеличенными похвалами и, слѣпо забѣгая впередъ, высказываетъ увѣренность въ томъ, что Грушенька не выйдетъ замужъ за Дмитрія Карамазова. Поднимая выше мѣры свою соперницу, почти возвеличивая ее надъ собою, она въ сущности и здѣсь проявляетъ свою надменность, свое презрѣніе къ этой падшей дѣвушкѣ, замаскированное особеннымъ снисхожденіемъ и сочувствіемъ къ ея судьбѣ, проникновеннымъ пониманіемъ ея „фантастической головки“, ея „своевольнаго, гордаго-прегордаго сердечка“. Грушенька осторожно пробуетъ, своимъ сладкимъ пѣвучимъ голосомъ, остановить этотъ несносный для нея, надоедливый фонтанъ пылающаго краснорѣчія, эти изліянія преувеличеннаго великодушія и благородства: „Очень уже вы защищаете меня, милая барышня, очень ужъ вы во всемъ поспѣшаете“. Присутствующій при этой сценѣ Алеша, этотъ вдохновенный мальчикъ, дальнорукій и даже ясновидящій, чувствуетъ въ Катеринѣ

Ивановѣ фальшь человѣческой приподнятости и все неравенство борьбы между этой дѣвушкой, расхолодившейся въ своемъ сплошномъ „надрывѣ“, и притихшей въ своей ярости Грушенькою. „Алеша краснѣлъ и дрожалъ незамѣтною малою дрожью“. Но Катерина Ивановна, какъ конь, закусившій удила, несется дальше. Почти увѣренная въ своей побѣдѣ, она трижды цѣлуетъ прелестную, маленькую, пухлую, „слишкомъ, можетъ быть, пухлую“ ручку Грушеньки, цѣлуетъ ее и сверху, и въ ладошку, какъ бы играя при этомъ лапкою невиннаго хорошенькаго котенка. Она любитъся ею, въ ея предполагаемомъ смиреніи, и заливаетъ ее своей благодарностью за разумное, благоразумное отступленіе. А Грушенька смотритъ на этотъ разыгрывающійся передъ нею спектакль съ невинно-веселымъ выраженіемъ въ лицѣ, — невинными, ясными, какъ будто довѣрчивыми глазами. Она уже тихонько намекала Катѣ, что она „сердцемъ дурная“, своевольная, самовластная. Она пыталась, не выходя изъ своего пассивнаго состоянія, остудить опрометчивый пылъ „милой барышни“ и дать ей почувствовать свою настоящую природу. Ея полулѣнивыя, скрытно насмѣшливыя, якобы самообличительныя реплики, съ ихъ зловѣщимъ шелестомъ, не были услышаны Катериной Ивановной, завертѣвшейся въ собственномъ вихрѣ. Но вотъ настало рѣшительное мгновеніе, и эта дикая кошка, эта пантера, неожиданнымъ изгибомъ своей inferнальной натуры, выпрыгиваетъ изъ засады и опрокидываетъ свою очень честную, но не очень умную жертву. Этотъ ужасный, обольстительно-красивый изгибъ, который прошелъ черезъ все ея тѣло, который, по словамъ Мити, отразился даже на мизинчикѣ ея ноги, даетъ себя чувствовать теперь съ тою же силой и съ тою же неизмѣнностью въ каждомъ ея душевномъ движеніи. Это — полная параллель между строемъ души и строеніемъ тѣла, это — одна и та же хищно-демонская красота въ двухъ выраженіяхъ, обрисованныхъ съ одинаково ослѣпительною яркостью. „Дайте мнѣ вашу милую ручку, ангель-барышня“, — нѣжно говоритъ она Катеринѣ Ивановнѣ. Уже при этихъ словахъ Грушеньки читателю становится жутко. „Вотъ я, милая барышня, — продолжаетъ она, — вашу ручку возьму и такъ же, какъ вы мнѣ, поцалую. Вы мнѣ три раза поцаловали, а мнѣ бы вамъ надо триста разъ за

это поцаловать, чтобы сквитаться". Она сразу даетъ чувствовать, что до дна проникла въ скрытно-надменную психологію Катерины Ивановны, что она уловила, съ какимъ аршиномъ та къ ней подходитъ и совсѣмъ не хочетъ ставить себя на одну доску съ ней: если Катерина Ивановна трижды поцѣловала ей руку, то, чтобы „сквитаться“, чтобы достойно заплатить за это униженіе паче гордости, она должна была бы поцѣловать ей руку триста разъ. Какая мудрая злоба слышится въ этихъ словахъ, и какая побѣда предчувствуется на сторонѣ этой лѣнстой русской вакханки! Она не боится намѣрить чужимъ аршиномъ этотъ житейски-пошлый паеосъ разстоянія между собою и Катериною Ивановною, потому что она знаетъ, что это—паеосъ дутый, ложный, безсильный, что истинное, природное могущество—на ея сторонѣ. „А затѣмъ пусть какъ Богъ пошлетъ, можетъ, я вамъ полная раба буду и во всемъ пожелаю вамъ рабски угодить. Какъ Богъ положить, такъ оно и будетъ, безо всякихъ между собою сговоровъ и обѣщаній. Ручка-то, ручка-то у васъ, милая, ручка-то! Барышня вы милая, раскрасавица вы моя невозможная!“ Сквозь насмѣшку, сквозь ядъ притворнаго смиренія, она даетъ понять Катѣ, что та допускаетъ въ ней способность къ „рабскому“ подвигу. Законная невѣста Дмитрія Карамазова, Катерина Ивановна не считаетъ даже нужнымъ сговариваться съ нею, получить отъ нея какія-либо опредѣленные обѣщанія! Въ словахъ Грушеньки слышится тихій, но изступленный смѣхъ надъ заносчивостью этихъ добродѣтельныхъ людей, сильныхъ въ своей законной правотѣ, надъ лойальнымъ Богомъ ординарныхъ душъ. Она медленно подняла къ губамъ „милую ручку“ Катерины Ивановны и вдругъ задержала ее у самыхъ губъ „на два, на три мгновенія, какъ бы раздумывая о чемъ-то“. „А знаете что, ангель-барышня,—вдругъ протянула она самымъ уже нѣжнымъ и слащавѣйшимъ голосомъ,—знаете что, возьму я да вашу ручку и не подалую“. Вотъ ошеломляющій ударъ этой пантеры. Жертва повержена, Катерина Ивановна своею бранью даетъ почти вульгарный реваншъ на изящный смертоносный ударъ Грушеньки. Но теперь Грушенька упивается зрѣлищемъ ея паденія съ тѣхъ же тихимъ самообладаніемъ, съ какимъ раньше смотрѣла на пылкій разгулъ ея надменнаго благородства. „Что-то сверк-

нуло вдругъ въ ея глазахъ. Она ужасно пристально глядѣла на Катерину Ивановну. Этотъ ужасно-пристальный взглядъ, устремленный на поверженную жертву—это какъ бы послѣднее проявленіе ея inferнальнаго душевнаго изгиба, который проходитъ чрезъ все ея существо отъ безсознательныхъ глубинъ злого инстинкта до сознательной игры съ окружающею жизнью.

Такова эта сцена, въ которой впервые появляется Грушенька и въ которой она уже вся стоитъ передъ глазами во всѣхъ своихъ особенностяхъ. Она уходитъ отъ Кати съ звонкимъ смѣхомъ и, обращаясь къ Алешѣ, бросаетъ слѣдующія загадочныя слова: „Я это для тебя, Алешенька, сцену продѣлала. Проводи, голубчикъ, послѣ понравится“. Что это значитъ? Какое отношеніе имѣетъ эта борьба двухъ соперницъ въ чистому сердцемъ Алешѣ? И почему поведеніе Грушеньки должно послѣ понравиться ему? Слова эти не пустыя, не случайныя. Грушенька, съ своимъ глубокимъ самосознаніемъ, съ своей глубокой совѣстью, давно уже боится Алени, этого воплощеннаго ангела, который служить живымъ укоромъ ея злобной натурѣ. Быть можетъ, среди безпутныхъ и неистовыхъ героевъ Карамазовскаго царства, она особенно чутко ощущаетъ въ немъ ту иную, некарамазовскую стихію, которую онъ несетъ съ собою, оставаясь все-таки Карамазовымъ. Душа ея свѣтлымъ звономъ отълиkaется на призывы этой некарамазовской стихіи, потому что, при всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ, она не хаотична: въ ней отчетливо раздѣлились противоположныя элементы личнаго и божескаго начала, какъ раздѣлились, выйдя изъ хаоса, вода и суша. Когда въ ней говоритъ личное, земное начало, оно раскрывается въ своемъ чистомъ видѣ, во весь свой подъемъ и достигаетъ, такимъ образомъ, блеска истинно демонской красоты. Когда въ ней возвышается голосъ божеское начало, оно тоже проявляется въ своемъ чистомъ стихійномъ видѣ—безъ примѣси разсудочнаго, головного богофильства, безъ примѣси житейской морали, и тоже достигаетъ своего неземнаго блеска. Алеша необычайно близокъ именно этому духовному элементу ея существа, онъ мучитъ ее чрезъ ея собственную совѣсть и потому она, находясь въ своей демонской полосѣ, хотѣла бы „проглотить“ его, побѣдить, обольстить. Она показала себя въ сценѣ съ

Катериною Ивановною въ полнотѣ своей злой хищной красоты, инстинктивно понимая, что этимъ она мутитъ въ немъ, въ Алешѣ, его карамазовскую стихію, что рано или поздно эти именно злыя ея чары должны околдовать его, вьять его: „потомъ поправится“, говоритъ эта опытная „обаятельница“, увѣренно играя съ карамазовскими страстями. Пришибленная Катерина Ивановна кричитъ: „Это тигръ! Ее нужно плетью, на эшафотъ, чрезъ палача, при народѣ!“ А Дмитрій Карамазовъ, узнавъ про всю эту сцену отъ Алеши, „въ болѣзненномъ какомъ-то восторгѣ, въ наглomъ восторгѣ“, такъ отзывается на переданныя ему слова Катерины Ивановны: „Такъ та кричала, что это—тигръ! Тигръ и есть! Такъ ее на эшафотъ надо? Да, да, надо бы, я самъ того мнѣнія, что надо, давно надо! Видишь ли, братъ, пусть эшафотъ, но надо еще сперва выздороветъ. Понимаю царицу наглости, вся она тутъ, вся она въ этой ручкѣ высказалась, inferнальница! Это царица всѣхъ inferнальницъ, какихъ можно только вообразить на свѣтѣ! Въ своемъ родѣ восторгъ!“ Эту-то царицу всѣхъ inferнальницъ онъ и любитъ съ бѣшеною страстью въ ея inferнальности, въ ея сатанинской наглости, въ ея фантастической злобѣ,—въ ея красотѣ. Ея красота inferнальна, потому что всякая красота, кромѣ той, которая еще не родилась, которая медленно рождается въ новыхъ, еще не проявившихся съ достаточною силою, богофильскихъ струяхъ исторіи,—всякая красота inferнальна и достойна „эшафота“. Но чтобы имѣть право судить и осудить эту красоту, надо „сперва выздороветъ“, т.-е. войти въ другую сферу, переродиться духомъ и тѣломъ. Когда воплотится на землѣ новая, бого-человѣческая красота, въ отличіе отъ демонской, которую Иванъ Карамазовъ называлъ бы челоуѣко-божеской,—тогда всякая inferнальность, всякая злоба, всякое изступленное развитіе личнаго начала въ богофобскомъ направленіи потеряетъ свое очарованіе передъ людьми. Наступитъ новая эпоха въ развитіи челоуѣчества и надъ нимъ раскроется новое небо. Безъ эшафотовъ, безъ плетей и палачей погибнетъ тираннія старой, ветхой красоты. Однимъ небольшимъ словомъ Достоевскій отмыкаетъ, какъ волшебнымъ ключемъ, двери, ведущія къ новой безконечности, и является провозвѣстникомъ новыхъ теченій въ жизни и искусствѣ. Онъ стоитъ на вер-